

Вацлав Ганка

Из «Краледворской рукописи»

В. Ганки

и Й. Линды

Вацлав Ганка
Из «Краледворской рукописи»
В. Ганки и Й. Линды

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18795412
Из «Краледворской рукописи» В. Ганки и Й. Линды: 1846

Аннотация

«Расскажу я славную вам повесть
О боях великих, лютых бранях;
Собирайте вы свой ум да разум:
Нынче будет вам чего послушать!..»

Содержание

Ольдрих и Болеслав	4
Бенеш Германых	7
Ярослав	10
Честмир и Власлав	21
Людиша и Любор	31
Забой и Славой	37
Збигонь	47
Олень	52
Венок	54
Роза	56
Кукушка	57
Сирота	58
Сейм	60
Любушин суд	61

Ганка Вацлав Из «Краледворской рукописи» В. Ганки и Й. Линды

Ольдрих и Болеслав

...В лес дремучий,
Где владыки собирались вместе,
Семь владык с дружинами своими.
Выгон-Дуб в ночную темень прибыл,
Со своими прибыл молодцами:
Было с ним сто воинов отважных,
И у всех в ножнах мечи гремели;
Сто мечей наточено булатных,
Сто десниц могучих наготове;
Удальцы владыке верно служат.
Вот пришли они в средину леса,
Стали в круг; друг-дружке руки дали,
Разговоры тихие заводят.
Было время за полночь гораздо,
Утро серое уж было близко.
Выгон молвил тихо князю Ольдре:

«Гой еси ты князь и воин славный!
Бог вложил в тебя и мочь и крепость,
В буйну голову дал разум светлый:
Так веди ж нас на Полян свирепых!
За тобой последуем мы всюду:
Взад, вперед, направо и налево,
Где ты будешь в ярое битве биться!
Ну зажги ж ты в сердце нашем храбрость!»
Князь берет могучею рукою
Длинный прапор: «Так за мною, братья,
На полян, врагов родного краю!»
Вслед за князем двинулись владыки,
Восемь всех, и было с ними войска
Триста парней добрых да полсотни.
Все они собрались, где поляне
Сонные, раскинувшись, лежали.
Становились у опушки леса.
Прага все еще во сне молчала;
Пар клубился над рекой Влтавой;
А за Прагой уж синели горы,
И восток за ними загорался.
«В дол за мною, только тихо, тихо!»
Вся дружина скрылась в Праге сонной,
Спрятавши оружие под одежду.
На заре пастух подходит к замку
И кричит, чтоб отперли ворота.
Услыхал его из замка сторож,
Отворил ворота чрез Влтаву.
Пастырь всходит на мост, громко трубит.

Ольдрих выскочил и с ним владыки,
Семь владык и всяк с народом ратным.
Бубны-трубы загремели разом;
На мосту завяли хоругви;
Мост затрясся, как пошла дружина.
Обуял полян внезапный ужас.
Вот они оружие схватили!
Вот владыки стали с ними биться!
Но поляне скоро заметались
И толпами бросились к воротам,
Убегая от резни жестокой.
Сам Господь нам даровал победу!
И одно встает на небе солнце –
Яромир опять встает над нами!
Разнеслась по целой Праге радость,
И кругом-то Праги разнеслася;
По всему-то полетела краю,
По всему ли краю от той Праги.

Бенеш Германых

Гой ты, солнце наше красно!
Что с лазоревых высот
Нынче так печально светишь
Ты на бедный наш народ?
Где наш князь? Где люд военный?
К Отту, к Отту все ушли...
Кто ж прогонит вражью силу
Из отеческой земли?
Идут Немцы длинным строем –
То Саксонов злая рать;
От вершин Згорельских древних
Идут край наш воевать.
Злато-серебро собирайте,
Будьте щедры и добры:
Скоро жечь придут злодеи
Наши хаты и дворы.
Все пожгли враги, побрали
Злато-серебро из хат
И стада угнали наши;
К Троскам далее спешат.
Не тужите, добры люди:
Встанет травушка в полях,
Что Саксоны притоптали,
Проскакавши на конях.

Убирайте же венками
Избавителю чело!
Зелень выросла на нивах,
Все по-старому пошло.
Скоро минет наше горе:
Бенеш Германыч идет,
Биться на смерть с сопостатом
Призывает свой народ.
Вот собрались наши люди
Под Скалой в лесу густом
И пошли на бой кровавый
Кто с булатом, кто с цепом,
«Бенеш, Бенеш перед нами!»
Все бегут во след ему.
«Горе Немцам! – Бенеш крикнул. –
Нет пощады никому!»
Закипели гневом лютым
В битве обе стороны;
Взволновались утробы;
Очи злобой зажжены.
Набежали друг на друга
И давай колоть и сечь:
Колом кол тяжелый встречен,
Зацепился меч за меч!
Страшно рать на рать валила,
Словно лес пошел на лес;
От мечей летели искры,
Будто молния с небес.
Нивы стоном застонали;

Всполошило всех зверей;
Всполошило вольных пташек
Средь лесов и средь полей.
До вершины ажио третьей
Слышно было жаркий спор;
Копья с саблями трещали,
Словно падал ветхий бор.
Так стояли оба войска,
Севши крепко на пяту –
И пришло от лютой битвы
Тем и тем невмоготу.
В гору Германьч ударил;
Что махнет мечом своим –
Целой улицей ложится
Вражья сила перед ним;
И направо, и налево
Так и стелет он народ;
Поднялся – и сопостата
Сверху камнями он бьет.
На широкий дол сбежали
Мы опять с холмов крутых;
Завопили немцы, дрогнув:
Мы пошли – и смяли их!

Ярослав

Расскажу я славную вам повесть
О боях великих, лютых бранях;
Собирайте вы свой ум да разум:
Нынче будет вам чего послушать!
Там, где правит Оломуц землями,
Невысокая гора поднялась;
Называют гору ту Гостайнов;
На ее вершине христианам
Чудеса творила Божья Матерь.
Долго, долго жили мы в покое;
Было все кругом благополучно;
Да поднялась от востока буря,
А поднялась ради дщери ханской,
Что за злато немцы погубили,
За жемчуг, за дороги каменья.
Дочь Кублая, красотой что месяц,
О землях на Западе узнала,
И узнала, что в них много люду:
Собиралась в дальнюю дорогу
Поглядеть житье-бытье чужое.
С нею десять юношей срядилось
Да еще две девы молодые.
Было все потребное готово.
Тут они на быстрых сели коней

И свой путь по солнышку держали.
Как заря перед восходом блещет
Над густыми темными лесами:
Так блестела дочь Кублая хана,
Красотой блестела и нарядом,
Золотой она парчей покрылась,
Лебедину шею обнажила,
Дорогим увешалась камнем.
Ханской дочери дивились немцы,
На ее сокровища польстились;
Выждать засели на дороге
И в лесу Кублаевну убили,
Все богатство ханское побрали.
Как про то услышал хан татарский,
Что с его Кублаевной случилось:
Собирал несметные он рати
И пошел, куда уходит солнце.
Короли на Западе узнали,
Что Кублай готовится ударить:
Перемолвились, набрали войско
И поехали навстречу к хану;
Становили стан среди равнины,
Становили, поджидали хана.
Вот Кублай собирает чародеев,
Звездочетов, знахарей, шаманов,
Чтоб они решили ворожбою,
Будет ли, не будет ли победа.
Притекли толпами чародеи,
Звездочеты, знахари, шаманы;

Расступившись, кругом становились,
Положили черный шест на землю,
Разломали надвое, назвали
Половину именем Кублая,
А другую назвали врагами;
Стародавние запели песни;
Тут шесты затеяли сраженье:
Шест Кублая вышел цел из бою.
Зашумели в радости татары,
На коней садились ретивых –
И рядами становилось войско.
Христиане ворожбы не знали,
А пошли на басурманов просто:
Сколько силы, столько и отваги!
Загремела первая тут битва.
Задождали стрелы, будто ливень,
Треск от копий, словно рокот грома,
Блеск мечей, что молния из тучи.
Обе стороны рубились крепко
И одна другой не уступала.
Вдруг татар шатнули христиане
И совсем бы смяли супостатов:
Да пришли к ним чародеи снова
И шесты народу показали.
Тут опять татары разъярились,
В христиан ударили свирепо
И погнали их перед собою,
Словно псы испуганного зверя.
Здесь шелом, там щит железный брошен;

Там несется конь с вождем убитым,
Что ногою в стремени повиснул.
Здесь один вотще с врагами бьется,
Там другой помилованья просит.
Так татары были крепки в битве,
Что налоги с христиан собрали
И два царства отняли большие:
Старый Киев да Новгород людный.
Вырастало горе на долинах;
Весь народ сходился христианский,
Собиралось их четыре войска;
Звали снова басурманов к бою.
В этот раз Татары взяли вправо,
Словно туча с градом над полями,
Что грозит богатым урожаем:
Издавеча рати так шумели.
Вот и Угры сдвинули дружины,
В супостата ударили крепко,
Да напрасны мужество и храбрость,
Молодецкая напрасна доблесть:
Одолели дикие татары,
Разметали угорское войско,
Целый край мечом опустошили.
Христиан покинула надежда!
Было горе, всех горчее горе.
Милосердному взмолились Богу,
Чтобы спас их от татар свирепых:
«Господи! Восстань в своем Ты гнев,
От врагов Ты нам защитой буди,

Что совсем сгубили наши души:
Режут нас, как ярый волк овечек!»
Бой потерян и другой потерян.
В землю польскую пришли татары,
Полонили все, что было близко,
Додрались до града Оломуца.
Тяжкая беда кругом вставала:
Брали верх поганые татары.
Бьются день, другой дерутся крепко;
Никуда не клонится победа.
Вот неверных рати разрослися,
Будто тьма вечерняя под осень.
Посредине их рядов нечистых
Колебались христиан дружины,
Продираясь ко святой часовне,
Где светился чудотворный образ.
«Ну, за мною, братья!» – так воскликнул,
В щит мечом гремя, Внеслав могучий
И хоругвь над головами поднял.
Все метнулись, как едино тело,
На татар ударили жестоко,
И, как пламень из земли, пробились
Вон из полчищ нехристей поганых.
На пятах они поднялись в гору,
У подошвы развернули рати,
А в долину стали вострым клином.
Тут покрылись тяжкими щитами
Справа, слева и большие пики
Взбросили на могутные плечи

Друг ко другу: задние передним.
Тучи стрел летели в басурманство.
Только ночь остановила битву,
Разостлавшись по земле и небу;
Тем и тем она закрыла очи,
Что, враждой раскалены, горели.
Той порой, во мраке христиане
Навалили под горою насыпь.
Как заря блеснула на востоке:
Зашумели орды супостатов
И кругом ту гору обступили;
Не видать конца полкам несметным!
На конях иные там кружили
И на длинные втыкали пики
Головы от трупов христианских –
И носили пред наметом ханским.
Собрались в кучу все их силы,
К одному они шатнулись боку
И полезли по горе на наших,
Оглашая криком всю окрестность,
Ажио дол и горы загудели.
Христиане поднялись на насыпь.
Божья Матерь силу в них вложила:
Натянулись их тугие луки,
Их мечи булатные сверкнули –
Отступили от холма татары.
Разъярился люд их некрещеный;
Закипело сердце хана гневом;
На три полчища разбился табор,

С трех сторон облавили ту гору;
Тут скатили христиане бревна,
Двадцать бревен, сколько там их было,
И за валом их сложили в кучу.
Подбежали к насыпи Татары,
В облака ударились их вопли
И хотели вражьи дети насыпь
Раскидать, но бревна покатались –
Как червей приплюснуло тут нехристь
И еще давило их в долине.
Те и те потом рубились долго,
Только ночь остановила битву.
Господи! Внеслав сражен могучий
И на землю с насыпи свалился.
Одолело горе наши души,
Иссушила жажда все утробы;
Языки с травы лизали росу.
Вечер тих был перед ночью хладной,
После ночь сменилась утром серым.
Смирно было в стане сопостата.
Разгорелся день перед полуднем.
Христиане падали от жажды,
Рты свои сухие отворяли,
Хриплым голосом молились Деве,
Истомленные поднявши очи,
Заломивши руки в лютой скорби;
Жалостно с земли смотрели в небо.
«Нам невмочь терпеть такую жажду,
От нее не в силах мы рубиться!

Кто не смерти, живота желает:
Дождайся милости татарской!»
Так одни сказали, а другие:
«Лучше сгинуть от меча нам, братья,
Чем от жажды на холме издохнуть.
Хоть в плену бы нам воды напиться!» –
«Так за мною ж! – к ним Вестон воскликнул. –
Коли так вы, братья, говорите,
Коль измучились от жажды лютой!»
Тут свирепым туром на Вестона
Вратислав ударил, и за плечи
Он потряс его рукою мочной:
«Ах ты, змей, предатель окаянный!
Погубить людей ты хочешь добрых!
Чем бы милости просить у Бога,
Ты зовешь их в мерзкую неволю.
Не ходите, братья, на погибель!
Ведь уж зной мы тяжкий пережили:
В ярый полдень Бог нам силы подал;
Он еще подаст, коль верить будем.
А такие речи непотребны
Тем, кого зовут богатырями!
Пусть мы сгинем здесь от жажды лютой:
Эта смерть от Бога будет, братья!
А мечам неверным отдадимся:
Руки сами на себя наложим!
Неудобна Господу неволя:
Смертный грех в ярем идти охотой.
Кто так мыслит – он за мною, мужи,

Тот за мною, ко святой иконе!»
Двинулись к часовне христиане:
«Господи! Восстань в Своем Ты гнев!»
Дай смирить нам силы супостата,
Выслушай моление Ты наше!
Мы отовсюду стиснуты врагами:
Из оков нечистых нас Ты вырви
И увлажь росой нам гортани!
Славословить Тебе, Бога, станем!
Сокруши Ты наших супостатов,
Да не придут нехристи вовеки!»
Глядь – уж тучка в раскаленном небе!
Дуют ветры, слышен рокот грома;
Разостлались облака по небу,
Мечут молнии на стан татарский,
Страшный ливень рвы холма наполнил.
Миновала буря. Идут рати
Изо всех земель и стран далеких,
К Оломуцу веют их хоругви;
Тяжкие мечи гремят у бедер;
На плечах колчаны со стрелами,
А на буйных головах шеломы.
Скачут-пляшут ретивые кони.
Зазвенели вдруг рога лесные,
Бубны-трубы раздалися в поле;
Закипела яростная битва.
Стало темно меж землей и небом –
И была последняя то схватка!
Звон и стук прошел от сабель вострых,

Засвистели стрелы каленые;
Лом от копий, треск от пик тяжелых
И молитвы посредине битвы,
Плач, тревога – и веселья много!
Кровь лилась ручьями дождевыми;
Что в лесу деревьев было трупов.
У того мечом разрублен череп,
У того не стало рук по плечи,
Тот с коня валится через брата,
Тот врага, остервенясь, ломает,
Словно буря, на скалах деревья;
У иного меч торчит из ребер,
А тому отнес татарин ухо.
Ух! Кругом слышались вопли:
Христиане сбиты, побежали;
Гонят их поганые татары!
Но смотрите: Ярослав несется,
Что орел летит, могучий витязь!
На груди его железный панцирь,
А под ним отвага и удача;
Под шоломом крепким разум быстрый,
А в очах играет гнев и ярость;
Расходился, будто лев косматый,
Что, почуяв запах теплой крови,
Раненный, бежит за человеком;
Так он мчался, лютый, на татарство.
Чехи с ним, что град из темной тучи.
Он на сына ханского нагрязнул –
И борьба меж ними закипела!

Пиками тяжелыми сразились –
Да сломились пики у обоих.
Ярослав с конем окровавленным
Ринулся, махнул мечом широким
И разнес Кублаича до брюха.
Пал Кублаич бездыханным трупом,
Глухо звякнув на плечах колчаном.
Басурманы все оторопели,
Пометали саженные копы,
И кто мог пустился по долине
В те края, отколь приходит солнце.
И врагов татар не стало в Гане.

Честмир и Власлав

Князь Неклан велит к войне сряжаться,
Княжеским велит он словом,
Против Власлава.

Собрались, встали рати,
Собрались по слову князя,
Против Власлава.

Чванился Власлав победой
Над Некланом, славным князем,
И вносил огонь и меч
Он в Неклановы пределы;
И своим удалым людям
Он приказывал над князем
Непотребно издеваться.

«Чмир, веди мои дружины!
Все ругается над нами
Князь Власлав надменный!»
Чмир встает, веселый духом,
И снимает щит свой черный,
Что с двумя зубами сделан,
Да берет тяжелый молот
И шелом несокрушимый;
А потом богам приносит
Подо все деревья жертвы.
Громким голосом он крикнул:

«Рати строятся рядами».
Вот пошли перед зарею;
Целый день в походе были;
Шли, когда и солнце село,
Шли на холм высокой,
Дым от сел валит клубами;
В селах жалобные вопли.
«Кто спалил те села?
Кто принес вам слезы?
Не Власлав ли гордый?
Больше он не будет
Храбровать над вами:
Я иду злодею
Отомстить за братьев!»
Тут сказали Чмиру:
«Окаянный Крувой
Завладел в долинах
Нашими стадами;
В села внес он горе
Мечом и пожаром;
Все сгубил, что было
В жизни нам потребой;
Взял и воеводу!»
На Крувоя Чмир озлился,
И в груди его широкой
Злоба закипела,
Потрясла все члены.
«Братья! – крикнул. – Нынче утром
Будет крепкая работа;

А теперь даю вам отдых!»
Горы влево, горы вправо;
На хребте у них высоком
Красно солнышко играет.
И отсюда через горы,
И оттуда через горы
Идут Чмировы дружины
И несут с собою битву.
Прямо, прямо к городу,
На скале что вырос!
Крувой запер там Воймира,
С ним и дочь его младую,
Что в лесу густом похитил,
Там, под серою скалою,
Где ругался над Некланом.
Крувой клятву дал Неклану
Быть ему слугою верным
И десницу князю подал;
Только тем же голосом,
Той же самую рукою
Он беду принес народу.
«Ну, за мною, молодцы,
К городу высокому!»
И отважная дружина
Быстро к замку двинулась,
Слова Чмирова послушав;
Двинулась, как туча с градом.
Тяжкие щиты сомкнувши плотно,
Ряд передний весь покрылся ими;

Те, что сзади, оперлись на копыя
И, всадив их поперек в деревья,
Всею тяжестью на них повисли.
Их мечи тут загремели
Над вершинами лесными,
На мечи кидаясь вражьи,
Что из замка поднимались.
На стене, как бык, метался Крувой,
В осажденных разжигая храбрость.
Меч его на пражан падал,
Словно дуб с горы высокой,
Что, валясь, деревья ломит;
Столько было под стенами
Воинов Неклана-князя.
Чмир велел идти на город сзади;
Спереди же, чрез ограду,
Он скакать велел дружине.
Там два дерева стояло:
Прислонилися деревья
Под скалой к ограде самой –
Пусть на них летят колоды,
А голов не тронуть буйных!
Тут-то, спереди, поставил кучу
Молодцов он дюжих и широких,
Так-то все они срослися
Богатырскими плечами.
Поперек они на плечи
Жерди длинные взмахнули,
Их веревкой вдоль связали

И на древки оперлися.
Тут на жерди к ним другие
Мужи крепкие вскочили;
Копья вскинули на плечи
И веревкою связали.
Третий ряд вскочил на этих.
Там четвертый ряд на третий;
А уж пятые достали
До вершины самой замка.
Тут мечи блеснули сверху,
Сверху стрелы засвистели,
Сверху бревна покатались.
Через стены Пражане, как волны,
Хлынули и замком завладели.
«Выйди, выйди, Воймир, ты на волю,
Выйди с дочерью милой своею!
Утро ясное в небе играет!
Посмотри, как злодею Крувою
Буйну голову нынче отрубят!»
На заре вышел витязь могучий,
Дочь-красавицу вывел с собою
И увидел, как злого Крувоя
Казнию бесчестною казнили.
Отослал Чмир добычу к народу,
А с добычей вернулась и дева.
Тут Воймир хотел готовить жертву
В том же месте, в ту же солнца пору.
«Нет, в поход! – к нему Честмир воскликнул. –
Чем скорее, тем к победе ближе!

Погодим богам сжигать мы жертву;
Нам карать велят Власлава боги.
А как станет солнышко на полдень –
Соберемся мы, где надо будет,
И войска нам прокричат победу.
Вот тебе оружие Крувоя,
Недруга лихого – и поедем!»
Закипел Воймир весельем буйным;
Громким голосом с горы он крикнул
Из гортани сильной, ажио дрогнул
Темный лес: «Не гневайтесь вы, боги,
За мое пред вами прегрешенье,
Что сегодня я не жгу вам жертвы!»
А Честмир: «За нами эта жертва!
Но пора и в битву с супостатом!
На коня садись-ка ты лихого
Да лети ты через бор оленем!
На дороге, близ дубравы темной,
Повстречаешь небольшую гору,
Эту гору полюбили боги:
Там сожги ты им святую жертву
За свое чудесное спасенье,
За победу, что была за нами,
За победу, что еще пред нами!
Ты придешь на это место прежде,
Чем подвинется на тверди солнце;
А когда уж две и три ступени
Пробежит оно и над лесами
Станет там – придут и рати наши

В те места, где дым столбом взовьется
К небесам от жертвы приносимой;
Там дружины голову преклонят».
На коня тогда Воймир садился,
Полетел он чрез бор оленем
К той горе, что близ дубравы темной;
Там сжигал богам святую жертву
За свое чудесное спасенье,
За победу, что была за ними,
За победу, что еще пред ними,
Сожигал он добрую телицу;
Шерсть на ней червонная блестела.
Ту телицу он купил в долине,
Что густою поросла травой;
За телицу пастухам оставил
Он коня и с ним его уздечку.
Как святая запылала жертва –
Подходили воины к долине
И в дубраву друг за другом шумно
Поднимались, брякая мечами.
Каждый воин обходил вершину
И богам провозглашал он славу;
Проходя, мечом не медлил брякнуть.
А когда осталось их немного,
На коня Воймир лихого прыгнул
И велел поднять остатки жертвы
Шестерым он всадникам последним:
Два плеча и жирные лопатки.
Вот пошли дружины вместе с солнцем.

На полудне солнышко стояло.
А в долине князь Власлав надменный
Поджидал их с силами своими,
Что от леса протянулись к лесу.
Впятеро их было больше Пражан.
Словно в туче там гремели громы
И собак там заливались стаи.
«Трудно будет биться нам с врагами:
Палицы не переломишь колом!» –
Так Воймир, а Чмир ему на это:
«Хорошо лишь про себя-то ведать!
Лучше быть всегда на все готову!
Разве лбом ты гору поворишишь?
А лиса проводит ведь и тура.
С высоты Влаславу наших видно:
Так придется обойти нам гору,
Чтобы те, что впереди-то идут,
Позади за нами очутились;
Там и ну ходить вокруг вершины!»
И Воймир устроил дело с Чмиром:
Девять раз по их наказу войско
Девять раз ту гору обходило.
Так их силы вырастали с виду,
Так враги все более пугались.
Вдруг вся рать в кустах остановилась,
И мечи врагу блеснули в очи;
Вся вершина будто жар горела!
Тут выходит смелый Чмир с отрядом,
А в отряде том четыре части;

В ту же пору Тряс на сопостата
Налетел из-за деревьев частых
И врагов перепугал он сзади:
Их ряды, смешавшись, побежали;
Но Воймир своей рукою храброй
Заградил им ночью выход в поле
И ударил сбоку на Власлава.
Ух! как лес-то затрещал широкой:
Словно горы там с горами бились
И деревья на себе ломали!
Тут Власлав понесся против Чмира;
Встретил Чмир его ударом тяжким;
Закипела битва между ними –
И Власлав на землю повалился.
По земле катается он страшно,
В бок и в зад, а справиться не может:
На покой зовет его Морена;
Кровь из тела крепкого струится,
По траве бежит в сырую землю,
И душа из теплых уст порхнула;
Там и сям она летала долго,
С дерева на дерево, покуда
Не сожжен был на костре убитый.
Побежали воины Власлава
И ударились в испуге в гору,
Трепеща перед глазами Чмира,
Что в бою сразил Власлава-князя.
Загремели вести о победе;
Их Неклан веселым ухом слышит

И свою военную добычу
Радостным оглядывает оком.

Людиша и Любор

Стар и млад, внимай рассказу
О боях и ратоборствах!
Жил когда-то князь за Лабой,
Князь богатый, славный, добрый;
Дочь-краса была у князя,
И ему и всем по сердцу;
Красотою свет дивила:
У нее был стан высокой,
Белый лик, а на ланитах
Расцветал живой румянец;
Очи были словно небо;
По плечам же белоснежным
Рассыпались золотые
Кудри, в кольца завиваясь.
Князь послам велит сряжаться –
Звать к нему бояр окольных
На великий праздник в город.
День уставленный приходит:
Все боярство собралось
Из земель и стран далеких
На великий пир, на праздник.
Бубны-трубы загремели.
Подошли бояре к князю,
Подошли и поклонились

Низко князю, и княгине,
И княжне, девице красной;
За столы потом уселись
Все по сану и по роду.
Тут прислуга подносила
Яства дивные боярам,
Подносила мед шипучий.
То-то был веселый праздник!
То-то было пиrowанье!
В члены сила набиралась,
Душу бодрость напояла!
Князь сказал тогда боярам:
«Мужи! Тайну я открою,
Для чего собрал вас ныне:
Мужи славные! Хочу я
Испытать теперь, изведать,
Кто из вас мне всех нужнее.
Благо ждать войны и в мире:
Нас ведь немцы окружают!»
Князь сказал – и все бояре
Из-за трапезы поднялись
И, поднявшись, поклонились
Низко князю, и княгине,
И княжне, девице красной.
Бубны-трубы загремели.
Изготовились бояре.
Посреди равнины светлой,
На разубранном балконе
Князь сидел перед народом

Со своими старшинами;
Близ него была княгиня.
С именитыми женами,
И с подругами Людиша.
И воскликнул князь к боярам:
«Кто пойдет на битву первый,
Сам я, князь, того назначу!»
Указал он на Стребора.
Вызвал Стребор Людислава.
На коней садятся оба;
Всяк берет по вострой пике;
Друг на друга поскакали,
Долго бились и боролись,
Оба древка изломали
И, от боя истомясь,
Вышли вон из-за ограды.
Бубны-трубы загремели.
И воскликнул князь к боярам:
«Кто пойдет вторым на битву,
Пусть княгиня нам укажет!»
И княгиня указала
На Серпоша. Он выходит,
Вызывает Спитибора.
На коней садятся оба;
Всяк берет по вострой пике
И помчались друг на друга.
Выбил Серпош Спитибора,
Сам с коня спрыгнул он наземь,
За мечи схватились оба –

И запрыгали удары
По щитам их по тяжелым,
И посыпалися искры.
Спитибор Серпоша ранил,
Тот на землю пал сырую.
Истомясь от боя, оба
Вышли вон из-за ограды.
Бубны-трубы загремели.
И воскликнул князь к боярам:
«Кто пойдет на битву третьим,
Пусть Людиша нам укажет!»
И Людиша указала
На Любора. Он выходит,
Вызывает Болемира.
На коней садятся оба,
Всякий взял по вострой пике,
И вскакали внутрь ограды.
Друг на друга понеслися,
Пики острые скрестились –
Любор выбил Болемира;
Щит его далеко прынул;
Самого ж его прислуга
Понесла из-за ограды.
Бубны-трубы загремели.
Любор в бой идет с Рубошем.
На коня садится Рубош,
Быстро скачет на Любора;
Любор вмиг копьё Рубоша
Пересек мечом тяжелым

И врага в шелом ударил.
Рубош пал с коня на землю,
И взяла его прислуга.
Бубны-трубы загремели.
Любор кликнул за оградой:
«Кто теперь со мною хочет,
Выходи плечо померять!»
И пошел в народе говор.
Любор ждет-стоит в ограде.
Вот Здеслав качает пикой,
А на пике – турий череп;
На коня Здеслав садится,
Горделиво похваляясь:
«Прадед мой осилил тура,
Разогнал отец мой немцев,
А меня спознает Любор!»
Друг на друга поскакали,
Лбами крепкими сразились –
И слетели оба с седел.
За мечи схватились быстро
И рубиться ими стали;
Гул стоял от их ударов;
Любор сбоку вдруг нагрянул
И в шелом врага ударил,
И разбил шелом на части.
Их мечи потом скрестились:
Выбит меч из рук Здеслава,
Полетел он за ограду,
А Здеслав на землю рухнул.

Бубны-трубы загремели.
Обступили все Любора,
Повели пред очи князя,
И княгини, и Людиши;
И княжна веноч дубовый
Возложила на Любора.
Бубны-трубы загремели.

Забой и Славой

Поднимается скала над лесом;
На скале стоит Забой могучий
И во все концы кидает взгляды.
Возмутился дух его печалью –
И Забой заплакал, что твой голубь.
Там сидел он долго, смутен сердцем;
Вдруг вскочил и побежал оленем
Через бор широкий и пустынный;
Побывал у каждого он мужа,
К сильному от сильного он мчался;
Речь держал короткую со всяким;
Преклонял чело перед богами
И к другим оттуда он пускался.
Минул день; за ним другой проходит,
В третий день блеснул на небе месяц.
Собралися мужи в лес дремучий;
Тех мужей ведет Забой в долину,
Что лежала меж лесов глубоко.
Сам он стал среди ложбины низкой;
В варито рукою ударяет.
«Мужи с верным братским сердцем,
Мужи искренние взором!
Вам пою в глубокой я долине,
От глубокого пою вам сердца,

Что печалью возмутилось!
Наш отец ушел к отцам
И детей покинул малых,
И подруг своих покинул,
Не сказавши никому:
«Брат! Пооди, поговори ты с ними,
Как отец с родимую семьёй!»
И пришел чужой в пределы наши;
Зашумел на нас чужою речью;
И как там живут с утра до ночи,
Так и нашим женам и ребятам
Жить велел, и каждому он мужу
По одной велел держать подруге
На пути с Весны и до Мораны
Ясных кречетов из бору выгнал
И богов, что боги на чужбине,
Приказал любить он нашим людям
И святые сожигать им жертвы;
А своим никто не смей молиться
И в потемках приносить им пищу.
Где отец кормил богов родимых,
Где молился, где певал им славу, —
Он посек священные деревья
И богов кумиры ниспровергнул». —
«Ты, Забой, поешь от сердца сердцу
Песню горя, как Люмир, что двигал
Вышеград и все его пределы
Песнями да крепкими словами:
Так и ты меня и братьев тронул;

Доброго певца и боги любят!
Пой! От них поешь ты песни,
Что мутят все наше сердце
Против недруга лихого!»
Посмотрел Забой, как у Славоя
Разгорелись, раскалились очи –
И запел он песню снова,
Чтоб сердца расшевелились:
«Жило-было двое братьев.
Как уж стали голосами
На мужей они похожи,
Всякий день ходили в рощу
И к мечу, копьё и млату
Приучали там десницу;
Прятали в густом лесу оружие
И с веселым сердцем возвращались.
А как стали руки братьев крепки,
Выходили братья в бой кровавый.
Втапоры, братишки их другие,
Подрастали и вослед за теми
На врагов летели, словно буря;
И отчизна их цвела в покое!»
Все к Забою, к молодцу прыгнули
И певца в объятьях сжали крепких,
Клали руки сильные на перси
И умно-разумно говорили.
До рассвету было уж недолго.
Выходили из долины мужи,
Выходили розно, темным лесом

И по всем дорогам разбрелися.
День проходит, и другой проходит;
А на третий день, как ночь настала,
В темный лес пошел Забой
И за ним пошли дружины;
В темный лес пошел Славой
И за ним пошли дружины.
Всяк покорен воеводе;
Королю же всяк там недруг,
Всяк его сгубить замыслил.
«Гой еси ты, брат Славой!
К голубой ступай вершине,
Что над всем поднялась краем!
Там собираться надо будет.
На восток от той вершины,
Видишь, лес идет дремучий:
Там рукой ударим в руку!
Пробирайся ж ты лисицей;
Я туда ж приду с полками». –
«Гой еси ты, брат Забой!
Для чего оружие наше
Оставлять в покое долго?
Чтобы грянуть нам отсюда!» –
«Ты послушай, брат Славой,
Коль известь ты хочешь змея,
Наступи ему на горло –
Горло вражье на вершине!»
По лесу разбились мужи,
И направо и налево.

Эти идут, слушая Забоя,
Те – по слову храброго Славоя,
Темным лесом, к синей той вершине.
В пятый раз восходит солнце красно.
Тут вожди друг другу руку
Подают и лисьим оком
С той вершины озирают
Королевские дружины.
«Нас одним разбить ударом
Хочет Людек: вишь, полки собирает!
Эй ты, Людек! Ты теперь холопом
Над холопами у них поставлен!
Палачу ты своему скажи-ка,
Что его приказы – дым для наших!»
Разъярился Людек;
Войско быстро он сзывает.
Много свету было в небе:
Красно солнце там играло,
И играло красно солнце
На дружинах королевских.
Все они в поход готовы
И поднять готовы руку,
Коли вождь прикажет Людек.
«Гой ты, брат Славой!
Ты зайди лисицей сзади,
Я ж ударю им навстречу!»
И пошел Забой, как туча с градом,
И Славой пошел, как туча с градом:
Этот с боку, тот ударил прямо.

«Брат! Вон эти лиходеи,
Что богов и нас низвергли,
Порубили рощи наши,
Ясных кречетов прогнали.
Нам пошлют победу боги!»
Разозлился Людек, заметался;
Он из полчищ на Забоя вышел;
И Забой, сверкая взором, встретил
Людека. Что дуб схватился с дубом
Средь лесов: так Людек на Забоя
Налетел среди обеих ратей.
Людек поднял тяжкий меч
И пробил в щите три колеи;
Тут Забой пускает молот –
Людек в сторону отпрянул;
Угодил тяжелый молот,
Угодил он в дуб высокий –
Дуб на воинов свалился,
И к отцам пошло их тридцать.
Разъярился Людек: «Зверь ты дикий,
Злющая ты гадина, ехидна!
Ну-ка выйди на мечах со мною!»
И махнул Забой мечом:
Отлетел у супостата
От щита большой осколок.
Людек сам удар заносит –
Да скользнул булат по коже,
Что была поверх щита Забоя
Распалились оба воеводы,

Сыпали тяжелые удары
И забрызгали друг друга кровью;
Все в крови и воины их были,
Что вокруг вождей рубились крепко.
На полудне стало солнце
И пошло уж к вечеру с полудня;
Но вожди без умолку все бились.
Здесь кипела яростная сеча,
Да и там Славой сражался ладно.
«Ах ты враг без угомону!
Чтобы взял тебя нечистый!
Что ты кровь-то нашу точишь!»
И Забой свой молот поднял:
Да отпрыгнул Людек!
Поднял тот свой молот снова
И пустил им в супостата;
Молот свистнул – вражий щит разбился,
И разбились Людековы перси;
А душа из тела полетела;
Молот выпугнул оттуда душу
И пронесся в войско на пять сажень.
Страх напал на вражьи рати,
Вырывая вопль из их гортани.
У Забоя ж люди веселились,
И в очах у них играла радость.
«Братья! Боги дали нам победу!
Разделитесь, братья, на две части –
И в поход направо и налево!
Изо всех долин коней стоняйте:

Пусть заржут они в дубравах этих!»
«Брат Забой! Удалый лев!
Бей врагов ты без пощады!»
Щит Забой на землю бросил,
В руку взял тяжелый молот,
А в другую – меч булатный,
И дорогу меж врагами
Проложил себе он разом.
Зашумели, дрогнули дружины!
Тут погнал их с тылу Тряс могучий,
И они со страху завопили.
Кони ржут в густом лесу.
«На коней и за врагами!
Через весь их край гоните!
Быстры кони, мчитесь, мчитесь
По пятам злодеев наших!»
И отряды на коней вскочили,
Скок-поскок погнали за врагами,
Сыпля за ударами удары.
Проскакали горы, лес, равнины –
Справа, слева все назад бежало.
Вдруг река шумит пред ними,
За волнами волны катит.
Воины спрыгнули в реку
И врагов перед собой погнали.
Тут чужих топили наши волны,
А своих на берег выносили.
Все летал над теми над полями
На широких крыльях лютый коршун,

И гонял он малых пташек;
А дружины смелые Забоя
По полям, рассыпавшись, бежали
За врагами, их разили всюду
И топтали ярыми конями.
Ночью гнали, как светил им месяц:
Гнали днем, когда светило солнце.
Там опять скакали ночью,
Там зарей на утре сером.
Вдруг река шумит пред ними,
За волнами волны катит.
Воины спрыгнули в реку
И врагов перед собой погнали.
Тут чужих топили наши волны,
А своих на берег выносили.
«Ну, к седым туда вершинам,
Там конец кровавой мести». –
«Ты послушай, брат Забой:
До горы уж недалеко,
И врагов немного стало;
Да и те о жизни молят!» –
«Так назад веди дружины!
Я ж пойду и доконаю
Всех последних королевцев!»
В том краю прошли метели;
В том краю прошли дружины,
В том краю, направо и налево;
Там и сям дружины видны,
Крики радостные слышны.

«Брат, уж вот она, вершина,
Где нам боги шлют победу!
Там из тел выходят души
И порхают по деревьям;
Зверь и птицы их боятся,
Не боятся только совы.
Погребать пойдем убитых
Да богов своих покормим,
Принесем большие жертвы
Им, спасителям народа;
Возгласим и честь и славу
И положим все пред ними,
Что у недругов отбили»!

Збигонь

Сиз летал голубчик
По кустам зеленым;
Высказывал горе
Он темному лесу:
«Ах! ты, лес широкий!
Здесь летал я прежде
С дорогой подружкой,
С голубицей милой;
Да подружку-душку
Збигонь-недруг отнял,
И в каменный город
Он бедняжку запер!»
Под стенами замка
Молодец гуляет;
О красе-девице
Воздыхает, плачет.
От того ли замка
Уходил он в горы;
На горе садился
И молчал он долго
Вместе с лесом темным.
Вот летит голубчик,
Жалобно воркует.
Молодец удалый

Голубчику молвил:
«Что ты, сиз-голубчик,
Стонешь так и плачешь?
Али одиноким
Ты живешь на свете?
Али сокол быстрый
Заклевал подружку?
У меня вот Збигонь
Милую похитил
И в каменном замке
Дорогую запер.
Ты бы, сиз-голубчик,
С соколом подрался,
Кабы сердце было
У голубя храбро.
Ты бы ведь подружку
У злодея отнял,
Кабы остры когти
У тебя случились.
Ты задрал бы, сизый,
Вора-лиходея,
Лишь родись ты с клёвом,
С крепким, плотьядным!» –
«Молодец удалый!
Ну-ка поднимайся
И ударь ты смело
В Збигоня-злодея!
У тебя ведь сердце
Нетрусливо, храбро!

У тебя ведь латы,
Ратные доспехи;
У тебя ведь молот,
Молоток железный!»
И пошел он долом
И дремучим лесом;
Взял броню с собою
И железный молот.
Вот под стены замка
Молодец приходит.
Был он под стенами –
Ночь, ни зги не видно!
Он рукою сильной
Постучал в ворота.
«Кто за воротами?» –
Из замка спросили.
«Молодой охотник
Ночью заблудился!»
Отперли ворота.
Он еще ударил:
Отперли другие.
«Где владыка Збигонь?» –
«В терему высоком!»
Там он затворился;
Там краса-девица
Молодая плачет.
«Отворяй-ка двери!»
Збигонь не послушал.
Молодец ударил

Молотом железным –
Распахнулись двери!
В голову он после
Збигоня ударил –
Збигонь повалился.
Юноша по замку
Побежал и в замке
Все побил живое;
А потом с подружкой,
С дорогою, с милой,
Спал он до рассвету.
Разыгралось солнце,
Сквозь деревья светит
На каменный город.
Разыгралась радость
У молодца в сердце,
Что красу-девицу
Обнимал он снова
Сильною рукою.
«Это чья ж голубка?» –
«Збигонь ту голубку
Изловил в дубраве
Да и запер пташку,
Как меня, бедняжку!» –
«Так лети ж, голубка,
Ты теперь из замка!»
Вот и полетела
В лес она широкий;
Там и сям порхала

С кустика на кустик;
Со своим ли другом,
С голубочком сизым,
На одной на ветке
Ночку ночевала.
Веселилась дева
С молодцем удалым;
Там и сям гуляла,
Где млада хотела.
И спала с любезным
На одной кровати.

Олень

Скачет олень по долинам,
Прыгает он по горам,
Носит по целому краю,
Носит крутые рога.
Режет крутыми рогами
Сучья в дремучем лесу;
По лесу летмя летает,
Скачет на быстрых ногах.
Хаживал молодец в горы,
Долом широким на брань;
Тяжкие нашивал стрелы,
Вражью мочь поражал.
Доброго молодца нету! –
Лютый нагрязнул злодей,
Злобой глаза распалились,
Молот железный сверкнул,
Юношу в перси ударил,
Всплакались темны леса;
Вышла из молодца, вышла,
Душенька вышла душа!
Горлом пошла лебединым;
В алы порхнула уста.
Вот он лежит; за душою
Точится теплая кровь;

Кровь молодецкую тихо
Пьет мать сырая земля.
Сердце у девицы каждой
Стонет и больно болит.
Юноша в хладную землю,
В хладную землю зарыт;
Дуб на нем вырос, дубочек,
Ветви пустил широко.
Ходит олень круторогий,
Скачет на прытких ногах,
Щиплет зеленые листья
Он на дубу молодом.
Быстрые кречеты вьются,
Из лесу к дубу летят,
Голосом жалким выводят:
«Молодца враг погубил!»
Горькими плачут слезами
Красные девы по нем.

Венок

Как подул, повеял ветер
Из дубравы княженецкой.
Прибежала красна девка
Зачерпнуть воды на речку.
Глядь: а к ней венок зеленый
По волне плывет студеной,
Перевит венок цветами,
Алой розой, васильками.
Вот она ведро ставит
И венок зеленый ловит,
Да, ловивши, оступилась,
В воду с берега скатилась.
«Кабы ведала я, знала,
Чья рука тебя сажала,
Мой венок, венок зеленый:
Я тому позолоченый
Подарила бы в гостинец
Дорог-перстень на мизинец.
Кабы ведала я, знала,
Чья рука тебя срывала,
Чья рука тебя срывала,
Тонким шелком увивала:
Я тому бы втихомолку
Из косы дала иголку

Кабы ведала я, знала,
Чья рука тебя кидала,
Мой веночек, веночек зеленый,
На простор волны студенной:
Я дала б тому веночек –
Пусть наденет мил-дружочек!»
И серебряной уздечкой
Привязал в лесу коня.
Обнял крепко дорогую,
Целовал ее в уста –
И про терн, про терн колючий
Позабыла красота!
Мы ласкались, миловались;
Солнце к вечеру пошло.
«Ах, пора, пора, мой милый;
Нам домой пора, в село!»
На коня вскочил я быстро
И проворною рукой
Обхватил красу-девицу
И поехал с ней домой.

Роза

Ах, зачем, зачем ты, роза,
Распустилася так рано?
Распустившись, ты замерзла,
Ты замерзла и увяла
И, увянувши, упала!
Долго я вечер сидела,
Петухи уж прокричали:
Я млада еще сидела;
Ничего я не дождалась,
Вся лучина догорела.
Я заснула – мне приснилось,
Что с руки-то у бедняжки
Перстенечек спал заветный,
Выпал камень самоцветный.
Не нашла я камня снова,
Не дождалась я милого!

Кукушка

В чистом поле рос дубочек,
Там кукушка куковала,
Куковала, тосковала,
Что весна не вечно в поле.
Кабы все весна-то в поле,
Как бы жито вызревало?
Кабы лето вечно было,
Как бы яблоко дospelо?
Как бы мог прозябнуть колос,
Кабы осень все стояла,
Было б горько, было б тяжело
Красной девице без друга!

Сирота

Ах, леса, леса вы темные,
Вы леса ли Милетинские!
Что, леса, вы зеленеете
В лето, в зиму одинаково?
Рада, рада б я не плакала,
Не мучила бы сердечушка:
Да скажите, люди добрые,
Кто, скажите, не заплачет здесь?
Где мой батюшка, родимый мой?
В мать земле сырой зарыт лежит!
Где моя родная матушка?
И над нею травка выросла!
Нет ни брата, ни сестрицы нет!
Мила-друга люди отняли!
Жаворонок
Коноплю красна девица
В огороде барском полет.
«Что смутна ты, что печальна?» –
Деве жаворонок молвил.
«Как могу я жить весельем,
Птица-жаворонок малый?
Моего милого друга
Посадили в крепкий замок!
Кабы мне перо, бумаги:

Написала бы я к другу,
И с тобой бы в ту сторонку
Я письмо свое послала.
Нет пера и нет бумаги!
Так лети ж один отсюда:
Спой ты песню дорогому
Про мою тоску-кручину!»»

Сейм

Всяк отец над челядью владыка:
Мужи пашут, жены шьют одежду:
А умрет глава, начальник дома –
Дети вместе начинают править
И становятся над собой владыку,
Что за них всегда на сеймы ходит;
Вместе с ним для пользы братии ходят,
Ходят кметы, лехи и владыки.
Встали кметы, лехи и владыки;
Похвалили правду по закону.

Любушин суд

Гой, Влетава! Что ты волны мутишь,
Сребропенные что мутишь волны?
Подняла ль тебя, Влетава, буря,
Разогнав с небес широких тучу,
Оросивши главы гор зеленых,
Разметавши глину золотую?
Как Влетаве не мутиться ныне:
Разлучились два родные брата,
Разлучились и враждуют крепко
Меж собой за отчее наследье:
Лютый Хрудош от кривой Отавы,
От кривой Отавы златоносной,
И Стяглав с реки Радбузы хладной;
Оба братья, Кленовичи оба,
Оба родом от старого Тетвы,
Попелова сына, иже прибыл
В этот край богатый и обильный
Через три реки с полками Чеха.
Прилетела сизая касатка,
От кривой Отавы прилетела,
На окошке села на широком,
В золотом Любуши стольном граде.
Стольным граде, светлом Вышеграде;
Зароптала, заплакала горько.

Как сестра касатки той родная
Эти речи в доме услышала –
Позвала княжну Любушу в город
Учинить великую расправу,
Звать на суд ее обоих братьев
И решить их дело по закону.
Шлет послов княжна из Вышеграда
Святослава кликать из Любицы,
От Любицы белой и дубравной;
Лютобора витязя, что правил
На холме широком Доброславском,
Где Орлицу пьет синяя Лаба;
Ратибора с Керконош высоких,
Где дракона ярый Трут осилил;
Радована с Каменного моста,
Ярожира от вершин ручьистых,
Стрезибора от Сазавы злачной,
Саморода со Мжи среброносной,
Кметов, лехов и владык великих,
И Стяглава и Хрудоша братьев,
Что за отчину враждуют крепко.
Как собрались лехи и владыки
В Вышеграде у княжны Любуши,
Всякой стал по сану и по роду;
К ним тогда княжна в одежде белой
Вышла, села на престоле отчем,
На престоле отчем, в славном сейме.
Вышли две разумные девицы,
С мудрыми судейскими речами;

У одной в руках скрижали правды,
У другой же – меч, каратель кривды;
Перед ними пламень правдовестник,
А за ними воды очищенья.
Начала княжна такое слово
С золотого отчего престола:
«Гой вы, кметы, лехи и владыки!
Рассудите братьев по закону,
Рассудите братьев, что враждуют
Меж собой во отчее наследье.
Вы скажите нам святую правду
От богов всеведцев присносущих:
Вместе ль станут без раздела править
Иль на части равные раскинут.
Гой вы, кметы, лехи и владыки!
Приговор мой разрешите ныне,
Коли вам по разуму придется;
А не то, закон поставьте новый,
Да рассудит разлученных братьев».
Поклонились лехи и владыки,
И пошли про это разговоры,
Разговоры тихие меж ними,
В похвалу речей княжны Любуши.
Лютобор, что проживал далече
На холме широком Доброславском,
Встал и начал к ней такое слово:
«О, княжна ты наша в Вышеграде,
На златом отеческом престоле!
Мы твое решенье рассудили;

Прикажи узнать народный голос». И тогда собрали по наказу Девы-судьи голоса народа, И, в сосуд священный положивши, Лехам дали прокричать на вече. Радован от Каменного моста Голоса народа перечислил И ко всем сказал решенье сейма: «Сыновья враждующие Клена, Братья родом от старого Тетвы, Попелова сына, иже прибыл В этот край богатый и обильный Через три реки с полками Чеха! Ваше дело так решилось ныне: Управляйте вместе без раздела!» Встал тут Хрудош от кривой Отавы, Закипела желчь в его утробе, Весь во гневе лютом он затрясся И, махнув могучею рукою, Заревел к народу ярым туром: «Горе, горе молодым птенятам, Коль ехидна в их гнездо вотрется! Горе мужу, если он попустит Управлять собой жене строптивой! Мужу должно обладать мужами, Первородному идет наследье!» Поднялась Любуша на престоле, Молвя: «Кметы, лехи и владыки! Мой позор свершился перед вами –

Так творите ж ныне суд и правду
Меж собою сами по закону:
Править вами не хочу я боле!
Изберите мужа, да примет
Власть над вами он рукой железной,
А руке моей, руке девичьей,
Управлять мужами не под силу!»
Ратибор, что с Керконош высоких,
Встал и к сейму речь такую начал:
«Нам не след искать у Немцев правды,
По святым у нас законам правда:
Принесли ту правду наши предки
Через три реки на эту землю».

Песня под Вышеградом
Гой ты, солнце ясно,
Вышеград наш крепкий!
Что стоишь высоко
Твердою твердыней,
Твердою твердыней,
Страхом сопостату!
Под тобою речка,
Быстры волны катит,
Под тобою речка,
Ярая Влетава.
Близко той Влетавы,
Той Влетавы чистой,
Выросла дубрава –
Летняя прохлада.
Весело там песни

Соловей заводит,
Весело и смутно:
Как его сердечко
Скажет и прикажет.
«Ах! Зачем не пташка
Я, не соловейка:
Полетел бы в поле:
Там, в широком поле,
Вечерами поздно
Милая гуляет.
Всех об эту пору,
Всех любовь тревожит;
Всякое созданье
В час вечерний просит
У любви отрады.
Так и я, бедняга,
Все тужу по милой.
Сжалься, дорогая,
Ты над горемыкой!»!

1846 г.